

Список литературы: 1. Венедиктов А. В. Организация государственной промышленности в СССР. т. II. Л. 1961. 2. Ландкоф С. Н. Хозяйственно-административное право. ДВОУ. 1931. 3. Сборник приказов ВСНХ. 4. СЗ СССР. 5. Синдикаты и внутрисиндикатские соглашения. Сборник статей, 1927. Синдикатская система СССР. Сборник статей. 1928. 6. СУ. 7. СФХЗ. 1927.

С. А. Черниченко, канд. ист. наук

КАМПАНИЯ БОРЬБЫ С БЕСХОЗЯЙСТВЕННОСТЬЮ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 20-х ГОДОВ В УКРАИНЕ

Уже в начале 20-х годов огромные экономические потери народному хозяйству Украинской республики, как и страны в целом, стали причинять бесхозяйственность, разбазаривание государственного, кооперативного и другого общественного имущества, ярко проявившие себя, когда перестали действовать законы военного времени, в условиях новой экономической политики. Нередко на заводских дворах под открытым небом ржавело, приходило в негодность дорогостоящее (в том числе и закупленное за рубежом за золото) оборудование [1, ф. 9, оп. 1, д. 269, л. 64], гнила, разворовывалась сотнями кубометров заготовленная, но своевременно не вывезенная из лесосек деловая древесина [4, ф. 8477, оп. 1, д. 872, л. 42), расхищались в массовом количестве со складов продовольственные и промышленные товары [7, ф. 17, оп. 67, д. 494, л. 35].

В результате неумелого хозяйствования, расточительства государственная промышленность уже за первый год нэпа опустила в карманы частных предпринимателей и торговцев более 300 млн. руб. [11, с. 24].

Глава Советского государства В. И. Ленин неоднократно с горечью говорил о неумении большевиков хозяйствовать в условиях рынка. В своей речи 6 марта 1922 г. на заседании Коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов он предложил заменить коммунистов-руководителей предприятий беспартийными, которые еще до революции занимались хозяйственной деятельностью. «Нам нужно построить всю нашу организацию так, — перчеркивал В. И. Ленин, — чтобы во главе коммерческих предприятий у нас не оказались люди, не имеющие опыта в этой области» [15, с. 14].

Одновременно он предложил устранять коммунистов, не умеющих работать, из государственных учреждений [15, с. 15]. Считая данную проблему первостепенной важности, В. И. Ленин возвратился к ней на XI съезде партии, состоявшемся в конце марта того же года. «Управлять хозяйством, — сказал он, — мы сможем, если коммунисты сумеют построить это хозяйство чужими рука-

ми, а сами будут учиться у этой буржуазии и направлять ее по тому пути, по которому они хотят» [15, с. 98].

Однако у многих коммунистов, в первую очередь тех, кто занимал ответственные хозяйственные посты, данное предложение главы правительства (хотя на самом съезде ему мало кто возражал), вызвало резко отрицательную реакцию. Бывшие подпольщики, революционеры, герои гражданской войны не собирались уступать привилегированные должности каким-то буржуазным специалистам, тем более, что среди высшего партийного руководства были люди, не согласные с ленинским курсом и у которых можно было найти себе поддержку.

Уже на XII съезде РКП(б) (апрель 1923 г.), когда В. И. Ленин был тяжело болен, лидеры ЦК официально выдвинули свою трактовку диктатуры пролетариата — в форме диктатуры большевистской партии, которую съезд одобрил [8, с. 47]. С этого момента ленинская идея выдвижения беспартийных специалистов на ответственные хозяйственные посты отбрасывалась. Сталин на том же съезде, говоря о необходимости кардинального улучшения хозяйственной деятельности трестов и крупнейших государственных предприятий, предложил укрепить их руководящий состав коммунистами [8, с. 64]. Новая линия с энтузиазмом была поддержана съездом, и уже в 1923 г. многие беспартийные специалисты, занимающие ответственные должности в трестах и на предприятиях, были заменены членами РКП(б). В составе правлений трестов доля коммунистов увеличилась от 52% до 61%, а среди директоров предприятий — от 29% до 49% [13, с. 135].

«Коммунизация» руководящего состава государственных предприятий и трестов не принесла ожидаемого результата. Экономика ускользала из рук неумелых руководителей. Новые директора, как правило, из числа передовых рабочих, были люди малограмотные, некомпетентные, не способные глубоко вникать в производственные процессы, тем более в коммерческие дела. Однако о широком использовании опыта буржуазных специалистов на руководящих хозяйственных постах в условиях «диктатуры партии» не могло быть и речи. Приходилось уповать на различного рода реорганизации системы управления хозяйством, кампании борьбы с бесхозяйственностью, бюрократизмом и улучшение работы аппарата управления, ужесточение репрессивных мер против конкретных носителей бесхозяйственности.

После XIV съезда ВКП(б), взявшего курс на индустриализацию страны и указавшего в этой связи на необходимость «использовать строжайшую экономию в расходовании государственных средств» [9, с. 429], мартовско-апрельский (1926 г.) Пленум ЦК КП(б)У призвал все партийные и профсоюзные организации Украины, все контрольные комиссии партии развернуть кампанию

борьбы с бесхозяйственностью и расточительством, добиваясь жесткого режима экономии сырья, материалов, денежных средств [10, с. 418].

Выполняя решения пленума, местные партийные органы развернули широкомасштабную работу в данном направлении. Под их нажимом экономкомиссии райисполкомов, инструкторский аппарат кооперативных учреждений, органы РКИ усилили изучение системы счетоводства, отчетности с целью улучшения качества проверки наличия средств и их расходов, на предприятиях и в организациях, повышения качества ревизий. Ревизионные комиссии, контрольные комиссии РКИ повели повсеместное обследование хозяйственной жизни государственных предприятий и кооперативов, сопровождавшееся чистками от «классово чуждых элементов» их управленческого персонала и правлений. Устанавливалась систематическая отчетность директоров заводов и фабрик, председателей правлений товариществ и кооперативов перед своими трудовыми коллективами. Судебно-следственные органы заводили учет нанесенного ущерба государству конкретными носителями бесхозяйственности. Судебные процессы по делам о бесхозяйственности и расточительстве готовились показательные с привлечением в обязательном порядке общественных обвинителей [3, ф. 3, оп. 1, д. 201, л. 123].

Типичные для многих предприятий проявления бесхозяйственности были вскрыты ревизионной комиссией на Горловском машиностроительном заводе в декабре 1926 г. Состояние бухгалтерских книг и отчетности в главной конторе заводоуправления были в полной запущенности. Операции за 1925—1926 гг. по Главной книге записаны были лишь до марта месяца, по вспомогательным книгам — до сентября. Книги имущества — построек, технического оборудования, инструментов, инвентаря не велись в течение всего операционного года. Совершенно отсутствовал учет готовых изделий в центральном магазине завода. В связи с плохим учетом наличия закупленного сортового металла и кокса, необходимых для производства, при проверке были обнаружены значительные расхождения между записями в книгах и фактическим их наличием на складах, выразившиеся в недостатке первого на сумму 153390 руб. и в излишке второго на 197130 руб. [6, ф. 3429, оп. 5, д. 1256, л. 118]. Готовая продукция учитывалась не по ее назначению, а по заказам, из-за чего однородные изделия находились в разных местах. Полуфабрикаты и чугунное литье находились под открытым небом, ржавея под дождем и снегом, их учет вовсе не велся. И тем не менее конторские служащие завода, как показала проверка, в 1926 г. получили сверх своих тарифов (в качестве премий, за сверхурочные и дополнительные работы) 48615 руб. [6, ф. 3429, оп. 5, д. 1256, л. 120].

В результате неудовлетворительной постановки бухгалтерского учета, общей бесхозяйственности завод за 1925—1926 операционный год потерял 431031 руб. По итогам обследования руководящий состав заводоуправления был отстранен от занимаемых должностей [6, ф. 3429, оп. 5, д. 1256, л. 129].

К уголовной ответственности было привлечено руководство Харцизского трубного завода после проверки комиссией окрпарткома в конце 1926 г. хода выполнения директив ВСНХ о режиме экономики. Причиной тому стало неиспользование в течение 6 мес. закупленного за границей оборудования, что привело к убыткам, исчисляющимся в несколько миллионов рублей [1, ф. 9, оп. 1, д. 269, л. 64].

Вопиющую бесхозяйственность, расточительство, крупные злоупотребления, проявленные членами правления и ревизионной комиссией окружной Киевской инвалидной кооперации, которые привели к ее убыточности, вскрыла Контрольная комиссия РКИ в феврале 1927 г. Правление кооперации и ее ревизионная комиссия в полном составе понесли уголовную ответственность [7, ф. 17, оп. 67, д. 494, лл. 35, 36].

В кампанию борьбы с бесхозяйственностью были вовлечены советские профсоюзные и другие общественные организации. В печати появилась специальная рубрика, разоблачающая факты расточительства, преступной халатности, расхлябанности. Только в газетах Черниговского округа в 1927—1928 гг. было помещено 270 заметок рабкоров и селькоров о фактах бесхозяйственности, по которым органы прокуратуры привлекли к уголовной либо административной ответственности 96 человек [4, ф. 10, оп. 1, д. 499, л. 16].

На усиление борьбы с бесхозяйственностью были направлены меры советского законодательства. В новом Уголовном кодексе (УК) Украинской ССР, вступившем в действие с июля 1927 г. на смену УК 1922 г., значительные изменения претерпела статья, устанавливавшая уголовную ответственность за данный вид хозяйственных правонарушений. Если старый Уголовный кодекс предусматривал уголовную ответственность за бесхозяйственность только руководителей государственных предприятий и учреждений или их помощников во время исполнения им обязанностей руководителя, то согласно новому УК уголовную ответственность за это несли руководители, их помощники, а также уполномоченные не только государственных, но и кооперативных, а также общественных предприятий и учреждений.

Судебно-правовая охрана теперь уже распространялась не только на государственное, но и кооперативное и общественное имущество.

Заметную роль в кампании борьбы с бесхозяйственностью, в режим экономии сыграли производственные совещания и времен-

ные. Контрольные комиссии, формируемые фабрично-заводскими комитетами из числа рабочих своих предприятий. Они принимали непосредственное участие в обсуждении и детальной проработке промфинпланов, вносили конкретные предложения по успешному их выполнению, контролировали хозяйственную деятельность заводууправлений, рациональное использование находящихся в их распоряжении ресурсов, вели борьбу за укрепление трудовой и производственной дисциплины. Численный состав этих общественных формирований быстро увеличивался. В середине 1928 г. на предприятиях Коростеньского округа он достиг 4-х тыс. человек [2, ф. 86, оп. 1, д. 163, л. 9], в Николаевском округе — до 12 тыс. [7, ф. 17, оп. 67, д. 502, л. 138], в Харьковском округе — свыше 15 тыс. человек [7, ф. 17, оп. 67, д. 502, л. 138]. Возрастала их активность и деловитость. Если за 1926—1927 операционный год было реализовано предприятиями немногим более 30% внесенных ими предложений, то в 1927—1928 году эта цифра поднялась до 50% [7, ф. 17, оп. 67, д. 502, л. 138]. Вместе с тем далеко не все производственные совещания и контрольные комиссии действовали активно. Многие из них только числились на бумаге. Так, на заводах им. Марти, «Плуг и молот», г. Николаева насчитывалось по 20 комиссий, но регулярно работало по 8—9 из них [7, ф. 17, оп. 67, д. 502, л. 44]. Отрицательно влияла на работу совещаний и комиссий большая текучесть их состава, в особенности председателей и секретарей. Работа многих временных контрольных комиссий к тому же страдала существенным недостатком. Она вскоре была сведена только к рассмотрению и утверждению решений цеховых и шахтных производственных совещаний, т. е. приняла бюрократический характер [14].

Кампания борьбы с бесхозяйственностью, за режим экономии в ее чистом виде усиливалась до мая 1928 г. В целом она, несомненно, оказала положительное влияние на хозяйственную деятельность государственных, общественных и кооперативных предприятий и организаций. Однако в ходе этой кампании нередко допускались серьезные перегибы, отрицательно повлиявшие на экономическое положение трудящихся. Многие руководители-хозяйственники пытались решать проблемы режима экономии и рационализации производства путем значительного сокращения числа рабочих и служащих, снятия ассигнований на жилищно-бытовые нужды своих трудовых коллективов и др. [5, ф. 5451, оп. 10, д. 272, л. 80].

В мае 1928 г. в Москве был проведен инспирированный Сталиным первый в стране показательный политический процесс — так называемое «шахтинское дело». К судебной ответственности было привлечено 53 человека, большинство из которых были инженеры с дореволюционным стажем. Они обвинялись в злостном

саботаже и скрытой дезорганизаторской деятельности, в подрыве каменноугольного хозяйства методами нерационального строительства, в ненужных расходах капитала, снижении качества продукции, а также в прямом разрушении шахт, рудников и заводов, противодействии мероприятиям по материальному обеспечению рабочих с целью вызвать у них недовольство политикой большевистской партии и Советской власти [12, с. 25].

Судебный процесс, которому был придан громадный общественный резонанс, в течении 49 дней решал неотложную практическую задачу: свалить вину за хозяйственные неудачи на буржуазных специалистов. И хотя все обвинения (государственным обвинителем выступал Н. В. Крыленко) были бездоказательны, специальное судебное присутствие (внесудебный орган без определенных процессуальных функций) под председательством А. Я. Вышинского совершило беззаконие. 11 подсудимых были приговорены к расстрелу (Президиум ЦИК заменил шестерым из них высшую меру наказания 10-летним тюремным заключением), 34 — к различным срокам лишения свободы, 4 — осуждены условно и 4 человека были оправданы. [17, с. 57].

После «шахтинского дела», использованного «вождем всех народов» для обоснования своего тезиса об обострении классовой борьбы по мере продвижения по пути социализма, термин «экономическая контрреволюция», возникший еще в 1924 г. в связи с судебными процессами над специалистами угольной промышленности Донбасса и Югослами, получает широкое распространение. Кампания борьбы с бесхозяйственностью быстро приобретает политический оттенок, превращаясь в борьбу с экономическим вредительством классово чуждых элементов, «действующих в интересах международного капитала» [16, с. 2, 3].

Теперь уже, когда на производстве появлялись узкие места, когда не доставлялось или портилось сырье, ухудшалось качество продукции, приходили в негодность машины и оборудование, происходили аварии, задерживалась зарплата и др., органы НКВД, как правило, с помощью своих активистов из числа рабочих отыскивали и находили вредителей в лице старых специалистов.

Список литературы: 1. Государственный архив Донецкой области. 2. Государственный архив Житомирской области. 3. Госархив Харьковской области. 4. Госархив Черниговской области. 5. Государственный архив Российской Федерации. 6. Российский государственный архив экономики. 7. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. 8. Двенадцатый съезд РКП(б). 17—25 апреля 1923 г.: Стенографический отчет. — М., 1968. 9. Четырнадцатый съезд ВКП(б). Москва. 18—31 декабря 1925 г. //КПСС в резолюциях..., изд. 9, Т. 4 — М., 1984. 10. Пленум ЦК КП(б)У. Харьков. 29 марта — 1 апреля 1926 г. //Коммунистическая партия Украины в резолюциях..., Т. I — К., 1976. 11. Быстрова И. В. Государство и экономика в 1920-е годы: борьба идей и реальность //Отечественная история. — 1993. № 3. 12. Вышинский А. Итоги шахтинского дела. — М., 1928. 13. Голланд Ю. Политика и экономика /черски об-

шественной борьбы 20-х годов //Знамя — орган союза писателей СССР.— 1990.— № 3. 14. Как работают производственные совещания и комиссии (по материалам обследования окружной КК—РКИ) //Диктатура труда — орган Сталинского окружкома КП(б)У, окрисполкома и ОСПС.—1926.—11 августа. 15. Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 45. 16. Кржижановский Г. Вредительство как оно есть — М., 1930. 17. Крыленко Н. Уроки шахтинского дела: Статьи и документы. — М., 1928.

М. И. Бажанов, д-р юрид. наук

О ФУНКЦИЯХ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ (процессуальная функция)

Проблема состава преступления имеет давнюю историю и является наиболее разработанной в доктрине уголовного права. Нельзя, однако, сказать, что в этой области все уже выяснено. Достаточно поставить вопрос о функциях состава, и сразу становится очевидным, что здесь открывается широкое поле для дальнейших исследований. В литературе долгое время эта проблема не ставилась, сам термин «функция» применительно к составу не употреблялся. Говорилось о значении состава — как единственного основания ответственности (Я. М. Брайнин и др.), как понятия, дающего возможность отграничить одно преступление от другого (Н. Ф. Кузнецова и др.), о составе как основе квалификации преступления (В. Н. Кудрявцев и др.).

В немецкой доктрине уже давно применительно к «составу деяния» говорят о его следующих функциях: определительной (устанавливает, какие действия уголовно наказуемы); гарантийной (деяние наказуется по закону, действовавшему во время его совершения); запретительной (состав запрещает поступать противоправно); размежевательной (отличает одно деяние от другого) (см.: 7, с. 93). Впервые в нашей литературе использовал термин «функции» состава преступления Г. Т. Ткешелиадзе, выделивший следующие три функции: фундаментальную, разграничительную, гарантийную (см.: 11, с. 45). Разделяя этот подход, автор данных строк посчитал необходимым дополнить этот перечень функцией процессуальной (см.: 1, с. 27). Работая далее над этой проблемой, он пришел к выводу, что круг этих функций может быть значительно расширен. К ним следует по крайней мере отнести квалификационную, интегративную, дескриптивную, рестриктивную, аксиологическую, догматическую, праксиологическую (утилитарную) функции. Возможна постановка вопроса о гносеологической, квалификационной, криминологической, криминалистической и др. функциях (см.: 2, с. 106).

Каждая из этих функций заслуживает своего самостоятельного рассмотрения. Не касаясь содержания фундаментальной, раз-